

Научное мнение. 2025. № 12. С. 90–96.

Nauchnoe mnenie. 2025. № 12. P. 90–96.

Научная статья

УДК 159.9

DOI: https://doi.org/10.25807/22224378_2025_12_90

АВТОРИТЕТ РОДИТЕЛЬСКИЙ: ПОТЕРЯННОЕ ВО ВРЕМЕНАХ

Лидия Бернгардовна Шнейдер¹, Наталия Леонидовна Минаева²

¹ Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

² Российская Академия народного хозяйства и Государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

¹ lshnejder@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3517-0873>

² minaeva-nl@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3203-2865>

Аннотация. В статье разбирается характер взаимодействий и отношений между главными участниками семейной системы — родителем и ребенком, рассматривается феноменология родительского авторитета в аспектах забытого, утраченного и «перелицованных» явления. В теоретическом плане обсуждаются предпосылки родительского авторитета. Раскрываются характеристики и признаки ролевого и личностного авторитета родителей, приводятся причины его падения или снижения, указывается роль интернета как симулякра семьи и родительства. Изменения родительского авторитета представлены в ракурсе социальных обновлений и индивидуальных трансформаций ментальных установок. Показана динамика становления родительского авторитета в современных условиях.

Ключевые слова: родитель, ребенок, авторитет, статус, имидж, значимость

Original article

PARENTAL AUTHORITY: LOST IN TIME

Lidiya B. Shneyder¹, Natalya L. Minaeva²

¹ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹ lshnejder@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0002-3517-0873>

² minaeva-nl@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0000-3203-2865>

Abstract. The article examines the nature of interactions and relationships between the main participants in the family system – the parent and the child – and explores the phenomenology of parental authority in terms of a forgotten, lost, and “rebranded” phenomenon. From a theoretical perspective, the preconditions for the emergence of parental authority are discussed. The article reveals the characteristics and signs of parental role and personal authority, identifies the reasons for its decline or reduction, and highlights the role of the Internet as a simulacrum of family and parenthood. The article presents changes in parental authority from the perspective of social updates and individual transformations of mental attitudes. The dynamics of the formation of parental authority in modern conditions is shown.

Keywords: parent, child, authority, status, image, significance

Авторитет — уже устаревшее слово, хотя словари об этом еще пока не упоминают. Соответственно об авторитете, его обретении и сохранении мало кто заботится. Из научного дискурса данное понятие практически исчезло. Ему на смену пришли иные термины: лидерство, имидж, репутация, доминирование, престиж, положение. Авторитетное лицо ассоциируется со статусом, главенством, властью и пр., т. е. с чем-то весомым, оснащенным и/или материально обеспеченным. Причем об утрате власти, лидерской позиции, статуса и пр. сожалеют как о чем-то упущенном, пропавшем, порой испытывая неудовлетворенность, гнев и/или злобу. Потеря авторитета выглядит менее травматично.

Наряду с этим слово авторитет, исчезая из академического лексикона и исследовательских практик как явление воспитательного пространства и социального взаимодействия, сохраняет свою значимость, остается востребованным. Мы вспоминаем о нем с грустью, размышляя об утраченном авторитете родителя или безуспешно апеллируя к авторитету семьи [1].

Быть (стать) авторитетом для своих детей — мечта многих родителей. Но так ли это важно? Зачем он нужен — этот авторитет? Не мешало бы разобраться, откуда он взялся.

Генезис феномена авторитета восходит к фундаментальным поведенческим и возрастным программам, закодированным в онтогенезе человека. Эти врожденные механизмы дополняются различными обучающими эффектами, реализующимися в разнообразных контекстах: в процессе взаимодействия со сверстниками, под опекой родительских фигур, а также в результате контактов с представителями взрослого сообщества. Эволюционно сложившиеся импринтинговые механизмы таковы, что восприимчивость к обучению существенно повышается при взаимодействии с особями, демонстрирующими признаки возрастного предшествования [2, с. 100]. Иными словами, эффективность трансляции знаний прямо пропорциональна возрастному статусу передающей информацию особи.

Программа «учись у него» весьма чувствительна к иерархическому уровню взрослого. Многочисленные наблюдения этнографов и психологов подтверждают важную закономерность: уровень эффективности усвоения информации учащимися находится в прямой зависимости от социального статуса и социокультурного признания педагога в обществе. В обществах, где педагогическая деятельность высоко ценится и уважается, отмечается значительно более высокий уровень учебной мотивации и успеваемости обучающихся в сравнении с социумом, где учительский труд девальвирован [2].

Этот принцип был незыблым в человеческом обществе многие тысячи лет. Он поколебался лишь совсем недавно, в период бурного роста средней продолжительности жизни и появления новых знаний.

Понятно, что к первобытному обществу термин «авторитет» может быть применим только условно. Тем не менее есть основания утверждать, что родительский авторитет вырос из природосообразного иерархического статуса взрослого человека (родителя/прапорителя), сопряженного с уважительным отношением к нему окружающих его людей, и его готовности делиться с ними знаниями и навыками. Очевидно, что иерархическое структурирование семейных отношений требовало соподчинения, что обеспечивало неоспоримый порядок и согласование взаимодействий в любой семье как определенной социально-возрастной группе, «глубочайше ритуализированной и канонизированной поведенческими программами системе» [2, с. 125]. Его нарушения иногда обнаруживались, что связывалось с половым созреванием, когда «кончали работать взаимные программы детского периода», и молодые индивиды пытались занять свое место в семейной иерархии. В целом же родительский авторитет был беспрекословен, упорядоченности и «игре по правилам» подчинялись все члены семьи.

Следовательно, можно констатировать, что родительский авторитет глубоко укоре-

нился в тех сообществах, где есть возрастная или социальная иерархия, где младшим менее доступны знания и выход к ним зарезервирован за отдельными, как правило, немолодыми и половозрелыми лицами. Когда эти условия нарушаются, об авторитете можно забыть.

В прежнем виде — ролевой власти над детьми — родительский авторитет себя исчерпал. Этому способствовали следующие условия: широкомасштабная урбанизация, постепенное увеличение открытости ранее замкнутых сообществ и их подверженность сторонним воздействиям, увеличение продолжительности жизни их членов, развитие культуры и цивилизационных трендов, научно-технический прогресс и информационное всевластие, исподволь ставшее доступным всем слоям общества. На этом фоне семья как общественный институт и как малая группа, фундирующая социальную систему, оказалась включенной в эти процессы. Структурно и содержательно необходимое обучение, имеющее в прежней семье «знаниевую» основу, уже не соответствовало идеям обновляющейся культуры и новым навыкам, необходимым для осуществления человеческой деятельности, «вследствие чего было не в состоянии обеспечить свое основное предназначение — адекватное отражение и эффективное присвоение человеческого опыта» [3, с. 19]. Командование старших и беспрекословное послушание (подчинение) младших, особенно в городских семьях, по-немногу вытеснялось и из памяти, и из реальной жизни. Родители и прародители утрачивали свои позиции, а натиск со стороны молодежи становился все ощутимее. Крепчает он и в нынешнее время.

М. Мид отмечала, что «во всех частях мира, где все народы мира объединены электронной коммуникативной сетью, у молодых людей возникла общность опыта, которого никогда не было и не будет у старших, и, наоборот, — старшее поколение никогда не увидит в жизни молодых людей повторения своего беспрецедентного опыта перемен,

сменяющих друг друга. Этот разрыв между поколениями совершенно нов, он глобален и всеобщ» [4, с. 361].

По мнению А. Г. Асмолова, в современном мире не только юношеская, но и подростковая субкультура начинает сама для себя создавать программы вхождения в большой мир. Им подчеркивается, что взаимодействие в соцсетях уже давно выступает могучей альтернативой общению с родителями [5].

Дети все более доверяют самим себе и все меньше — миру взрослых. По Асмолову, явление это не новое, так было всегда, но в современном цифровом мире острота переживания и степень расхождений между родителями и детьми становятся намного более явными. Соответственно родительский авторитет намного более неустойчив.

Однако родитель императивного склада, уже не отвечающий духу времени и современной культуре, остается таковым до сих пор. Его образ весьма распространен и узнаем как в ближайшем, так и в дальнем окружении. Соответственно, о прежних вариантах построения и проявления авторитета можно говорить как о подзабытым, но не об утраченном явлении.

Изложенные выше преобразования в системе межпоколенных взаимодействий получили научное обоснование в работах М. Мид, предложившей типологию культур на основании различных механизмов передачи опыта между поколениями. Исследовательница выделила три модели: постфигуративную культуру, в которой младшее поколение ориентируется на образцы поведения старших; конфигуративную, предлагающую равноправное взаимообучение разных возрастных групп; и префигуративную, где складывается принципиально иная социальная динамика, при которой младшие не подчиняются авторитету и опыту старших [4, с. 322–361]. Данная типология подтверждает факт модификации и «перелицовки» родительского авторитета, который обновляется и перестраивается вслед за изменениями способов передачи социокультурного опыта.

В ситуации изменения характера отношений между поколениями, неизбежно также изменение и типа персональных отношений между родителем и ребенком. «Эти отношения утрачивают характер принуждения и не могут быть ничем иным, как отношениями сотрудничества, взаиморегуляции равных перед неведомым настоящим» [3, с. 20].

Сегодня детско-родительские отношения обсуждаются в плане референтности, значимости и личностных вкладов. А. А. Кроник приводит определение значимости как «свойства людей, вещей, идей, всего существующего в мире, сделать нас добре или зле, правдивее или лживее, прекраснее или безобразнее, т. е. приближать к истинному жизненному предназначению или отдалять от него» [6, с. 29]. Ясно, что речь идет о родительских функциях, где обсуждение ведется не в терминах командования, а в русле апелляции к воздействиям. Значимые люди, — следовательно, родители как самые давние, самые близкие лица.

Отметим, что значимость — явный признак авторитета. Только раньше родительский авторитет строился на обучающих эффектах, житейском опыте родителей и пр. Теперь он переориентировался с рациональных аспектов жизни на эмоциональные. Аффективно-личностная связь между родителем и ребенком формирует прочный фундамент для развития его самосознания и личностной идентичности, что особенно актуально в условиях современной гиперстимуляции информационной среды. Данная связь служит основой активизации социально-коммуникативных способностей ребенка и обеспечивает его успешное включение в различные формы предметной деятельности. Следует подчеркнуть, что в контексте трансформирующихся детско-родительских отношений именно эмоциональная значимость взаимодействия становится одним из ключевых факторов преодоления дефицита подлинного авторитета в семейной системе.

Характерной особенностью родительского отношения является его подверженность по-

стоянному переосмыслению и качественной перестройке в соответствии с биологическим и психологическим созреванием ребенка. Парадоксальным образом, процесс необходимого отделения и психологической сепарации не ослабляет, а, напротив, углубляет эмоциональное содержание взаимосвязей в диаде «родитель-ребенок». Следует отметить, что именно эта возрастающая личностная значимость отношений при одновременном усилении автономии ребенка определяет специфику трансформации родительского авторитета на различных этапах развития личности [6, с. 30]. Отношение детей к родителям не содержит в себе тенденций к увеличению. И такое неравенство дистанций создает немало трудностей в настоящее время.

В современном мире уместно говорить не о забвении авторитета, а, скорее, о его, уже упоминавшейся, перелицовке. Прежде он возникал естественным образом из возрастных и поведенческих программ, оформляясь в лоне иерархической структуры семьи, и был, исходя из власти статуса взрослости, — ролевым авторитетом. Сейчас этого недостаточно, в настоящий момент приоритеты расставляются иным образом.

Мудрость старших заменяется на их информированность. Воспитательная компетентность взрослых членов семьи ограничивается процессами жизнеобеспечения и жизнеустройства, т. е. все их усилия концентрируются в зоне профанного, что вполне соотносится с теорией «макдоナルдизации общества» Дж. Ритцера [7], согласно которой «принципы работы ресторанов быстрого питания — эффективность, калькулируемость, предсказуемость и контроль, — в их совокупности и взаимосвязности могут выступать инструкцией к осуществлению родительских практик» [8, с. 120]. Подобная «ресторанная концепция» упрощает феномен родительства, оставляя за скобками саму сакральную суть и целесообразность воспитательной деятельности. «Открытыми для современного «воспитательного фастфуда» остаются вопросы о духовности детско-родительских отношений,

об удовлетворенности человека собой как родителем, о сохранении исторической памяти поколений и др.» [9, с. 126]. Да и вопрос о родительском авторитете как влиянии на кого-либо трансформируется в рассуждения о родительском расчете и использовании власти.

При этом весьма убедительно провозглашаются ново-старые лозунги:

1. «Дети должны слушаться родителей». Вроде и не о командовании речь идет, но так узываемо звучит. К тому же у детей нет особого выбора — соглашаться с властью родителей или нет. Однако послушание ребенка — это не подтверждение родительского авторитета, а скорее современная модификация «беспрекословного подчинения».

2. «Родитель для своих детей — образец для подражания». Конечно же, речь не об импринтинговом обучении. А о чем? Таситных (неявных) знаниях?

Как не крути, а из ролевого авторитета родителей, несмотря на новую терминологию, никуда не выбрались. Но и в прежних системах такой авторитет под натиском молодого поколения нередко расшатывался и ослабевал. Падает он и сейчас. Почему?

Распространенные причины, ведущие к тому, что родители утрачивают свой авторитет в глазах детей, связаны со следующими обстоятельствами:

- происходит переориентация родительского авторитета с ролевых аспектов на личностные, где утрата доверия и взаимное недопонимание детей и родителей быстро его разрушают;

- на текущий момент обнаруживается конкуренция с интернетом и проигрыш родителей ему в области информационной доступности, насыщенности и пополняемости;

- имидж родителей не соответствует ожиданиям ребенка (в области их финансовой состоятельности, моды, цифровой грамотности, терпимости, обеспечения безопасности и пр.) и порождает детские разочарования (особенно в подростковом возрасте);

- репутационная слабость родителей (когда у них нет/или иногда нет признания у

окружающих людей, коллег по работе, среди начальства, даже у прародителей и т. п.);

- сама молодежь (дети, подростки) стала другой, уважительное отношение к другим девальвируется, подменяется другими ориентациями, поглощается тенденцией к самовозведению, ценностные акценты смешаются с сакральными вещами на профаные и пр.)

Утрата авторитета свидетельствует о некотором родительском фиаско. Понятно, что для его возвращения и удержания в ход идут любые средства, в том числе различного рода манипуляции. Родители готовы довольствоваться и ложным авторитетом, виды которого были описаны еще А. С. Макаренко. К ним относятся авторитет подавления, авторитет доброты, авторитет расстояния, авторитет педантизма, авторитет «подкупа» [10]. За ними скрываются попытки вернуть себе ролевой авторитет, обнаруживается фигура родителя, обладающего властными полномочиями и ориентирующейся лишь на методы принуждения. Подобное положение дел складывается, когда ставка делается исключительно на преимущества статуса.

Однако сейчас важную роль играет личностный авторитет как доверие к ребенку и готовность предоставить ему, соответственно возрасту, право на принятие самостоятельных, вдумчивых и ответственных решений.

Жизнедеятельность семьи как объединения значимых и эмоционально-близких людей попросту невозможна без родительского авторитета, являющегося прямым продолжением личностного доверия, заслуженного в реальных делах и дружелюбных отношениях.

Его становление, должно пройти ряд этапов:

1. статусно-ролевой, построенный на статусе родителя как старшего и мудрого человека, его руководящей роли и информационном всевластии;

2. предметно-личностный, ориентированный на индивидуально-характерологические свойства, предъявляемые компетенции и имиджевые варианты презентации личности;

3. уважительно-доверительный. Эта стадия характеризуется качественно более высоким уровнем значимости, отражает аспекты оценочно-личностного признания и имеет глубоко эмоциональную выраженность.

«Закрепление на каждой предшествующей позиции подготавливает, но жестко не предопределяет переход на следующую ступень. Более того возможна стагнация на любой нижележащей ступени, не позволяющей достигнуть высшего уровня» [1].

В настоящее время перечень информированных лиц возглавляет «Господин Интернет», который во влиянии на ребенка уже потеснил семью и родителей. В современном мире дети из его недр могут почерпнуть и узнать больше, чем им рассказали или намерены рассказать родители. Молодое поколение «живет» в мире социальных сетей и все чаще без оглядки на взрослых наращивает свой социальный капитал в информационном сетевом сообществе. От родителей дети ожидают уже, главным образом, не столько невероятной информированности, сколько высокого уровня новаторства и трансграмотности, креативности и компетентности. Это справедливо для детей всех возрастов.

Тем не менее, как замечает А. Г. Асмолов, «чтобы отвечать на вызов новых технологий, нам потребуются не столько инновации,

сколько вечные истины. Ставки резко возросли, но, как и 100, и 200 лет тому назад, все зависит от стратегии поведения взрослого сообщества в отношении к подросткам и молодежи. Если мы поймем, что главной формой общения с ними является диалог, понимающий разговор, а не приказы или крик, то отношения будут меняться» [5, с. 14].

«Успешный носитель авторитета оказывает внушающее воздействие и способен направлять мысли, чувства, поступки, действия других людей, не прибегая к принуждению, а уж тем более — к насилию или фальсификации» [1, с. 56].

Безусловно, авторитет родительский надо всемерно поддерживать и укреплять. От ролевой и личностной результативности родителя зависит, выйдут ли в мир дети как послушные исполнители или как творческие созидатели. Это понимали и раньше, это актуально и для эпохи цифровой трансформации [1]. Только звучать это стало иначе: словосочетание «авторитетное родительство» употребляется наряду с понятием «компетентное родительство», «осознанное» и «полномочное».

В условиях технологических и социальных трансформаций авторитет и личностные качества родителя остаются первостепенными факторами семейных отношений, даже когда многие традиционные функции переданы цифровым системам.

Список источников

1. Шнейдер Л. Б. Педагог: слагаемые авторитета в условиях цифровизации // Высшее образование сегодня. № 5. 2021. С. 52–59. DOI: 10.25586/RNU.НЕТ.21.05.P.46
2. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосфера. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб.: Издательство Петроглиф, 2009. 352 с.
3. Аношикина В. Л., Резванов С. В. Образование. Инновация. Будущее. (Методологические и социокультурные проблемы). Ростов-на-Дону: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2001. 176 с.
4. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Издательство «Наука», 1988. 430 с.
5. Асмолов А. Г. Психология достоинства: Искусство быть человеком. М.: Альпина Паблишер, 2025. 400 с.
6. Кроник А. А., Кроник Е. А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. М., Мысль, 1989. 86 с.

7. Ритцер Дж. Макдональдизация общества / Дж. Ритцер. М.: Практис, 2011. 592 с.
8. Янак А. Л. Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 118–126. DOI 10.15593/2224-9354/2018.1.11
9. Шнейдер Л. Б. «Разделенный фамилизм»: родительство и родство // Мир психологии, № 4 (119), 2024. С. 117–150.
10. Макаренко А. С. Книга для родителей. М.: Издательство: ACT, Neoclassic, 2023. 12 с.

Статья поступила в редакцию 07.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 07.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Информация об авторах:

Л. Б. Шнейдер — доктор психологических наук, профессор кафедры психологической антропологии;

Н. Л. Минаева — кандидат психологических наук, доцент кафедры маркетинга и брендменеджмента Факультета маркетинга Института управления.

Information about the Authors:

L. B. Shneyder — Doctor of Sciences (Psychology), professor at the Department of Psychological Anthropology;

N. L. Minaeva — Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Marketing and Brand Management, Faculty of Marketing, Institute of Management.